

Чаша терпение – 2 / повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 21 января, 2025

Чаша терпение – 2 / повесть ЧАША ТЕРПЕНИЯ -2 / повесть

* * *

Спустя неделю по аулу разнеслась весть: «Сбежала дочь Айгуль». Ох и радовались же сельские сплетницы, ведь давно никто не давал им такой пищи для пересудов! Наверно, они так не радовались даже когда их козы двойню приносили! Собираясь толпами, они обсуждали эту новость, позабыв и про работу, и про еду.

В этот день у всех на языках были имена Биби и Реджепа. Чего только ни говорили они!

– Вообще-то Биби не была похожа на девушку, которая сбежит. Ну конечно, в тихом омуте больше чертей водится. А какой скромницей казалась!

– Кто знает, может, дальше уже невозможно было скрыть свой грех, надо было поскорее меры принимать? Вон наша дочь почти вдвое старше ее, а не поднимет глаз, не станет на парней смотреть. Это говорила мать Аннагуль-антенны. Она сделала шаг вперед, словно гордясь, что больше других знает о случившемся.

– Аннагульджан своими глазами видела, как они среди бела дня обнимались да целовались. Уж если они днем у всех на виду себе такое позволяют, можно представить, чем они занимаются под покровом ночи... хи-хих-и...

– Тьфу, тьфу, не дай бог глазам увидеть то, что слышат уши. Тьфу, тьфу, тьфу...

– Кстати, а куда они испарились?

– Аннагульджан говорит, что они уехали в Ашгабат, к его старшему брату Рахману.

– Старший сын Айгуль тоже говорит матери: «Мне бы только отыскать их, в сетке принесу домой их головы!»

– Да куда он денется, просто так говорит! Где он найдет их в таком большом городе, как Ашгабат! Сама я в прошлом году

ездила туда к племяннику, так заблудилась, не могла найти дом, из которого вышла.

– У Айгуль сын грамотный, расспросит людей и найдет то, что ему нужно. Он не будет там раззевать рот, как ты. Лично мы, если в поселок приезжает кто-то из незнакомых, сразу же знаем, у кого он остановился.

Словом, женщины дали волю своим языкам. Чего только они ни говорили! Правда, среди них нашлись и такие, кто ничему не удивлялся:

«Имея сына, не смейся над вором, имея дочь – над распутницей», говорят. На этом свете уже нечему удивляться. Пусть Господь сам вразумит и не даст опозориться...

Узнав о том, что дочь бежала, Айгуль готова была умереть. Она рвала на себе волосы, стучала кулаком по полу и сыпала проклятья:

– Будь проклята за то, что опозорила! Как мне теперь людям на глаза показаться! Если бы ты сдохла давным-давно, в тысячу раз лучше было бы!

Как ни гневалась, как ни страдала она, все же старалась не показывать виду, когда в комнату заходил сын:

– От случившегося нам никуда не деться. Наверно, судьба такая у нее. Смотри, не горячись, считай, что этой негодницы попросту не было на свете.

– Если бы ее не было на свете, такого бы тоже не было, мама. Она же всех нас дегтем вымазала, опозорила.

– В этом нет ничего из ряда вон выходящего, у людей тоже такое случается, так что придется терпеть. Только сообщи об этом отцу. И потом, чтобы до самой моей смерти ноги ее не было в этом доме. Никто пусть имени ее не произносит здесь.

На этом Айгуль-дайза поставила точку в этом разговоре.

* * *

Вернувшись с занятий усталым, Рахман решил, что пообедает попозже, вместе с Гуллер, и улегся на старенькой кровати, стоявшей у стены небольшой комнаты, заправленной несколькими одеялами. Однако ему не удалось поспать. Только задремал, как

пришел земляк из соседней комнаты и попросил у него конспект по истории. А еще через некоторое время пришла хозяйка.

– Рахман, аю, Рахман, ты что, сразу же лег спать, как только вернулся с занятий?

– Да нет, я не сплю, просто решил отдохнуть немного...

– Вот и хорошо, что не спишь. Какой-то молодой парень спрашивает тебя, он возле калитки стоит.

Потягиваясь, Рахман лениво поднялся с постели, спустил с кровати ноги.

– Кто это, Мама-дайза?

– Откуда мне знать, кто это, ведь сюда многие ходят. Но похоже, что он из села приехал. С ним еще попутчица, не знаю, девушка его или невестка.

Рахман взял со спинки кровати рубаху, накинул ее на плечи и пошел к выходу. Увидев у калитки улыбающегося брата, сжался, словно в предчувствии чего-то. Поначалу он не знал, радоваться ему или печалиться. «Что за девушку мог привезти Реджеп, откуда она взялась?» – подумалось ему. Но Реджеп уже входил во двор и протягивал ему руку:

– Саламалейкум! – он остановился в нерешительности, но лишь на миг, а потом все свел к шутке: – Можно зайти? Мы не знаем ваших городских порядков, поэтому и не решились сразу идти в дом.

– О-о, откуда ты взялся, брат? А ну, входи, зачем ты спрашиваешь об этом! – Вспомнив, что хозяйка сказала еще и о попутчице, поправился: – Входите, входите!

Реджеп коротко рассказал брату о случившемся. Поначалу Рахман растерялся было, но тотчас же растерянность сменилась чувством радости за брата:

– Ну так зови скорее сюда и Биби! – на ходу застегивая пуговицы на рубашке, он, опередив брата, вышел на улицу. Увидел стоявшую в сторонке под раскидистым чинаром девушку с небольшим узелком в руках и с опущенной головой. – Биби, заходи в дом! Что ты стоишь на улице как неродная? Тебе никого не надо стесняться, здесь нет чужих.

Биби вопросительно посмотрела на Реджепа.

– Пошли, Биби, в дом. Хорошо, что брат оказался на месте. –

Улыбка не сходила с лица Реджепа.

Дома Реджеп увидел, что Рахман один, сам пошел ставить чайник, и спросил его удивленно:

– А где гелнедже, ее нет дома?

– У нее сегодня четыре пары. Скоро придет.

Реджеп успокоился.

– Ты покажи Биби, где у вас кухня, пусть она поможет тебе.

Нарезая хлеб, Рахман улыбнулся:

– Зачем, я ведь не новичок на кухне. Когда живешь в городе, а тем более если оба студенты, приходится всему учиться. Потом он посмотрел на Биби, которая сидела, забившись в уголок, словно птичка, угодившая в силки, и пальцем ковыряла рисунок на паласе. – Биби, чувствуй себя уверенно, будь, как дома.

Биби ответила ему кивком головы, но устроиться поудобнее так и не смогла. Слова Рахмана «чувствуй себя, как дома», снова напомнили ей о доме, о матери. «Интересно, что сейчас делает мама? Наверняка прокликает свою дочь. Она может брата снарядить сюда, от нее можно ожидать. Интересно, папе сообщили уже? Он хоть и чабан, а тоже расстроится, когда узнает». Она тяжело вздохнула и мысленно пришла к матери, упала перед ней на колени. «Прости меня, мамочка! Я ведь не хотела подводить вас, не хотела сделать вам больно. Поверь, я вынуждена была сделать это, потому что не видела другого выхода. Ведь ты бы, мама, ни за что не отдала бы меня за Реджепа без калыма. И сама об этом мне сказала. Мне же никто другой, кроме него, не нужен. Поверь мне, мамочка, мне же не две жизни отпущено. Если ты хочешь, чтобы я была счастлива, прости меня! Умоляю тебя, прости мое вероломство...»

Реджеп почувствовал, какие тяжелые мысли одолевают сейчас Биби. Воспользовавшись тем, что брат ушел на кухню, он придвинулся поближе к девушке, обвил рукой ее шею, притянул к себе. Приложился губами к вспыхнувшему от стыда щекам Биби.

– Что-то ты слишком глубоко задумалась, может, жалеешь, что последовала за мной?

Биби так не хотелось уходить из объятий любимого, но она опасалась, что в любую минуту в комнату может войти Рахман, и поэтому осторожно сняла руку Реджепа со своей шеи.

– Не стыдно тебе, парень? А вдруг твой брат зайдет?

– Будь спокойна, когда брат будет идти, мы услышим его шаги. У меня чуткий слух. Но ты не ответила на мой вопрос: ты не раскаиваешься в содеянном?

– Если бы знала, что буду раскаиваться, я бы не последовала за тобой. Ты ведь не силой увез меня. Просто мне не по себе, когда я думаю о маме и родных.

– Об этом не беспокойся. Я же и раньше тебе говорил, что в конце концов все образуется и будет прекрасно. Не сегодня-завтра наши навестят твоих родителей и обо всем договорятся. Не ты первая сбегаешь замуж и не ты последняя. Знаешь ведь, вон Дурли прекрасно общается со своей матерью, а тоже ведь сбежала. Даст Бог, мы тоже наладим такие отношения.

– Ох не знаю. Ты мою мать не знаешь. Она хоть и женщина, но очень соевольная. И упрямая.

– Об этом позаботятся старики, давай лучше не будем сейчас думать о грустном.

Биби помолчала немного, потом добавила:

– Представляю, как радуется Антенна, порхает из дома в дом.

– Да пусть она себе чешет язык, какое нам до этого дело! Не вспоминай об этой сплетнице, Биби!

Реджеп снова прижал Биби к груди. Стал целовать ей лицо, руки. Со двора донеслись звуки шагов, и они оба вздрогнули. Реджеп мгновенно пересел на свое место. Но шаги проследовали мимо, открылась соседняя дверь. Прислушиваясь, Реджеп произнес:

– Похоже, ребята возвращаются с занятий.

Через некоторое время голоса разговаривающих с улицы стали слышнее. Потом кто-то крикнул: «Реджеп, выйди сюда!» Реджеп посмотрел на Биби. Девушка испуганно округлила глаза:

– Неужели кто-то следом за нами приехал?

– Вряд ли. Если бы так, брат пришел бы сказать об этом.

И все же, чтобы быть готовым ко всему, Реджеп подошел к небольшому окошку и посмотрел во двор. С братом разговаривали его однокласники, сокурсники, еще пара земляков. Они что-то весело обсуждали с улыбками на лицах. У Реджепа поднялось настроение.

– Да это наши ребята, которые учатся здесь. Биби, ты посиди

немного, я пойду поздороваюсь с ними.

Как только Реджеп вышел во двор, парни, не дожидаясь его приветствия, начали подшучивать над ним:

– Давно надо было обженить тебя! Ты как клушка сидишь в комнате, даже не думаешь выходить.

– Не говорите так, он и вышел бы, да жена, наверно, не пускает.

– И сейчас она ненадолго выпустила его: как только кончится его увольнительная, сразу же побежит в дом.

Один из парней сокрушенно покачал головой, «жалея» молодожена:

– Зря вы, ребята, смеетесь над Реджепом. Для него кончились времена, когда он действовал самостоятельно. Надо ведь понимать его.

– Так и скажи, что на ноги ему надели кандалы, а на шею – петлю.

Ребята еще какое-то время шутили и смеялись. Наконец в разговор вмешался Рахман, выглядывая из кухни:

– Эй, оставьте моего брата в покое, дайте ему хоть перекусить с дороги, отдохнуть!

Но парни не собирались так просто отступить:

– Но мы ведь правду говорим: женился – значит, умер. Мы просто переживаем, что Реджеп может оказаться в таком же положении, как и ты.

Рахман начал оправдываться:

– Что же теперь, голодным сидеть, если жены нет дома? – Да, даже когда твоя жена дома, мы не замечали, чтобы ты из кухни выходил.

– Желудки-то, небось, жратву просят. Я-то думал воспользовавшись приездом Реджепа и вас заодно горячим накормить. Все вы свободны, можете не ждать от меня никакого угощения! С видом обиженного Рахман скрылся в кухне. Тем временем один из парней крикнул:

– Эй, Рахман, честное слово, я даже рта не раскрывал!

Другие подхватили:

– И я...

– Я тоже...

Из кухни донесся смеющийся голос Рахмана:

– Уж я-то знаю ваши тонкие места.

Пока парни веселились, вернулась с занятий и Гуллер. Она очень обрадовалась, узнав, что приехал деверь с невестой.

– Рахман, что ты тут застрял? Выходи из кухни, я сейчас сама быстренько что-нибудь смастерю!

– Но я уже приготовил обед.

– Что ты приготовил?

– Суп...

– Да разве супом угощают молодоженов? Мы сегодня должны свадьбу сыграть.

– Давайте мы пока перекусим, Гуллер, а потом всем остальным займемся.

После этого в комнате расстелили большую клеенку, позвали знакомых ребят и устроили большой обед. После обеда Гуллер взяла в руки лист бумаги и расписала на нем, кому из парней что надо купить. Радуюсь, что вечером их ожидает плов, а может даже и выпивка, парни мигом разбежались кто куда.

К вечеру собрались односельчане и из соседней квартиры. Несмотря на то, что вечера были еще холодными, решено было сесть во дворе, а для этого вынесли всевозможные подстилки и расстелили их под виноградником. Беготня людей по двору, звуки магнитофона создавали впечатление настоящей свадьбы.

Биби была приятно удивлена дружбе студентов, их коллективизму и поэтому ей было радостно. Ей очень хотелось помочь хлопчущим девушкам, но свояченица и две ее подруги не разрешали:

– Перестань, тут и без тебя помощников хватает. И потом, это ведь твоя свадьба. Сегодня тебе положено отдыхать.

Когда собрались все гости, Биби и Реджепа усадили в центре импровизированного стола. Когда все расселись, подали угощение. Свадьба все более набирала темп. Один за другим звучали тосты, в которых молодоженам желали счастья и долгой совместной жизни. Подвыпивший парнишка взял в руки гитару и спел. Веселье было настоящим.

– Молодец, Метдижан, хорошо поешь!

– Давно надо было так!

– И магнитофон пусть отдохнет немного.

– Метдижан, исполни что-нибудь такое, чтобы можно было потанцевать, для сельхозников!

Метди не из тех, кто набивает себе цену, достаточно только попросить его, и он споет что угодно. Например, песню из индийского фильма: «Хаттуба, Хаттуба...»

Парни и девушки начали танцевать парами. Реджеп и Биби тоже на время забыли обо всех своих волнениях и переживаниях. Они оба с завистью смотрели на студентов, в душе сожалея о том, что тоже не поехали учиться.

Одноклассник, подсевший к Реджепу, толкнул его в бок:

– Давай, ты тоже прими сто грамм!

Реджепу захотелось выпить рюмку, чтобы еще больше поднять и без того хорошее настроение. Но он колебался, поскольку никогда раньше не пил. Да и старшего брата стеснялся.

– Да нет, спасибо. Ты же знаешь, что я никогда в жизни не пробовал этого.

– Но ведь на своей свадьбе ты можешь впервые выпить!

– Нет, лучше я не буду пить.

– Ну смотри, мы намерены на твоей свадьбе выпить все горькое, чтобы тебе досталось только сладкое. Он легонько похлопал Реджепа по плечу. – Ради тебя.

Реджеп не знал, что ответить своему подвыпившему однокласснику.

– Спасибо, этого я и ждал от вас.

Глубокой ночью кое-кто из гостей засобирился уходить. Одноклассник Реджепа, едва держась на ногах, подошел к Рахману.

– Рахман, Реджеп с женой могут пожить в нашей комнате.

– Нет, в этом нет нужды, я сам...

– Перестань, Рахман, иногда надо прислушиваться и к словам младших.

– Допустим, слушаю.

– Тогда так. Мы с ребятами уже договорились, кто куда пойдет ночевать.

– Сможешь ли ты в таком состоянии добраться до другой квартиры?

– О чем разговор? Мне ведь недалеко идти. Он указал пальцем на

оедний дом, будто-бы Рахман в ином случае не понял бы. – Здесь совсем рядом, в тридцать второй. Я к Юсупу пойду. Он прислонился к стене, пошарил в карманах и достал сигарету. – В таких случаях надо по две-три пачки покупать. Только что за раз выкурили целую пачку.

– Конечно... Рахману хотелось поскорее проводить его.

После ухода гостей Гуллер стала стелить постель молодым. Она надела на свое одеяло новый пододеяльник и отдала им. Вскоре все разошлись по своим комнатам.

Прошло около недели. Биби начала постепенно привыкать к городской жизни, к здешним порядкам, к бытию студентов. Она теперь до возвращения Рахмана и Гуллер с занятий приводила в порядок дом, готовила обед.

Новая свояченица с самого начала понравилась Гуллер. Больше всего ей нравилось то, что Биби встает спозаранку и начинает поливать и подметать двор. Однажды она посочувствовала молодой женщине:

– Смотри, не упади без сил от недосыпания, ты ведь так рано встаешь! Могла бы спать спокойно.

Биби тогда мило улыбнулась:

– Нет, я без этого не могу, мне тогда совсем будет скучно. Я с детства привыкла к такому распорядку жизни.

Гуллер очень быстро сдружилась со своей свояченицей. Пару раз даже похвалила ее Рахману:

– Реджепу очень повезло с женой. Такая она труженица!

Однажды они все вместе обедали дома. Пришла хозяйка и протянула Рахману листок бумаги:

– Рахман, тебе телеграмму принесли.

Рахман быстренько раскрыл телеграмму и стал читать ее. Гуллер ничего не могла понять по лицу мужа, поэтому спросила нетерпеливо:

– От кого она, что в ней написано?

Рахман улыбнулся и протянул телеграмму Реджепу:

– От старшего брата. Пишет, что Реджеп может возвращаться в поселок.

Прочитав телеграмму, Гуллер вздохнула с облегчением:

– Значит, они договорились?

– Наверно, иначе не звали бы домой.

Реджеп тоже мгновенно прочитал телеграмму и повернулся к брату:

– Значит, нам можно ехать? Они, наверно, ждут вас, придется ехать.

Рахман не смог достать билеты на самолет, поэтому в тот же день посадил молодоженов на вечерний поезд. Придя с вокзала, пошел на почту и отправил домой телеграмму.

* * *

О том, что младший брат сбежал с девушкой, Меред узнал вечером, вернувшись с работы. Он резко опустился на топчан и некоторое время сидел в задумчивости: «Эх, надо было ему посоветоваться вначале, нельзя такие вещи так делать!»

Он чувствовал себя сейчас человеком, оказавшемся в открытом море и не знающем, в какую сторону плыть. И когда рядом с ним присела Гыммат, принеся чайник с чаем и две пиалы, он воспринял ее как члена общества спасения на водах. Он и сейчас жалобно посмотрел на жену, как делал обычно, когда оказывался в затруднительном положении.

– Случилась неприятность. Что будем делать, Гыммат?

В душе Гыммат была довольна тем, что ее муж всегда советуется с ней по всем серьезным вопросам, но виду не подала. Свое решение, продуманное за весь, она преподнесла мужу как только что пришедшее в голову:

– Что за вопрос у тебя, Мерет? Мы должны будем потупить так, как все люди делают. Завтра же возьми с собой Гурбана-ага и Бақы-ага, и отправляйся к Айгуль...

– Простят ли они?

– А куда денутся... Гыммат хотела что-то сказать, но сдержалась, вовремя прикусила язык. – У них все равно другого выхода нет. Ты только не развешивай уши, когда они начнут сумму калыма называть. Девушка сама сбежала, потерю ничем невозможно восполнить. Заплатим немного ради приличия, и хватит.

Чувствую, что мы не поладим. Не знаю, как все это будет выглядеть. Эти люди давно на нас зло держат. А что, если и ты

с нами пойдешь?

– Господи, мне-то что там делать!

– Ну ладно, попытаюсь сам все уладить.

Мерет уперся руками в колени и встал. Гыммат поняла, что он куда-то собрался.

– Куда это ты, даже чаю не выпил?

– Ай, не до чаю мне сейчас, пойду, повидаю стариков, – с этими словами Мерет поддел ногами стоптанные башмаки и пошел со двора...

Наутро, прихватив с собой двух старейшин, он пошел к Айгульдайза. На этот раз предположения Гыммат оказались ошибочными. Как ни уговаривали ее, сваты не сумели уломать мать Биби. Обливаясь слезами, женщина твердила одно:

– Мы отреклись от этой дочери, нам и калыма не надо, и она сама тоже не нужна. Лишь бы потом не приходила к нам со слезами. А если и придет, я ее на порог не пущу, пока жива.

Видя, что с матерью никак не договориться, старики обратились к старшему брату девушки:

– Сынок, ты ведь мужчина, скажи свое слово!

– Ай, Гурбан-ага, мама уже все сказала. Мне тоже не нужна сестра, опозорившая нас.

– Вообще-то, сынок, такое и раньше случалось. И прежде, если приходили старейшины просить о примирении, отказа не было. Как бы там ни было, она твоя сестра. Пусть приедут домой, а не скитаются в чужих краях.

– Мы не собираемся им мстить. Хотят – пусть едут, это их дело. Лишь бы не приходили сюда и не говорили, что здесь у нее есть мать, отец, братья и сестры.

Бакы-ага, который до этого сидел молча, поглаживая бороду, кашлянул:

– Сынок, когда они приедут, надо будет ведь и свадьбу сыграть небольшую!

– И это тоже их дело, Бакы-ага.

– А если никто из вас не появится на свадьбе, не будет ли это выглядеть неприличным?

– Никак не будет выглядеть, Бакы-ага. Туркмены вообще-то не очень посещают свадьбы дочерей, сестер. А если даже и

посещают, все равно из нашего рода никто не покажется на той свадьбе.

Короче, Гурбан-ага и Бақы-ага, поняв, что ничего не добьются, переглянулись друг с другом и встали. Мерет, все это время исполнявший роль слушателя, последовал за ними.

* * *

Спустя три-четыре дня старики вновь отправились в дом девушки, когда приехал ее отец, но и на этот раз ушли ни с чем. Дрожа от злости, Гоша-ага, хоть и не сказал ничего резкого Гурбану-ага и Бақы-ага, но и не пообещал им ничего. Он только сказал: «Дочь, которая ушла из дома, поправ его честь, нам не нужна. Так что я согласен со своими детьми и женой». Замолчал и опустил голову.

После этого пришли к определенному решению и велели Мереду направить брату телеграмму и вызвать его домой.

* * *

Отправив мужа рано утром на работу и занявшись скотиной, Гыммат была немало удивлена, когда почтальонша принесла телеграмму. В душе она ругала мужа: «Ну ни на что не годится этот Мерет, ничего ему поручить нельзя! Наверно, он вчерашнюю телеграмму на наш адрес направил». А почтальонша, не догадываясь о ее размышлениях, протянула телеграмму:

– Тетя Гыммат, вам телеграмма! Распишитесь вот здесь!

Гыммат, переводя взгляд с телеграммы на квитанцию, ничего не понимала:

– Вий, Бахарджан, может, эта телеграмма не нам?

Почтальонша подумала, что действительно, ошиблась адресом, взяла телеграмму и проверила.

– Да нет, она вам, тетя Гыммат. Вот ваш адрес, здесь есть и фамилия Мерета-ага.

– Ах, доченька, наверно, это фамилия Рахмана. Видимо, этот гад Мерет вчера неправильно адрес написал. Эта телеграмма должна была уйти в Ашгабат. Потом она обратилась к почтальонше умоляющим тоном: – Бахарджан, Реджеп, наверно, ждет ее. Прошу

тебя, ты сама опусти ее в почтовый ящик!

Девушка с сумкой на плечах невольно улыбнулась, услышав слова Гыммат:

– Нет, она из Ашгабата сюда отправлена. К тому же на ней написано «срочная».

Только после этого Гыммат распечатала телеграмму, но увидев, что она написана по-русски, крикнула вслед уходящей почтальонше:

– Аю, Бахарджан, эта проклятая бумажка на русском языке. Ты уж прочитай мне ее сама, иначе я ничего не пойму.

Бахар быстренько прочитала коротенькую телеграмму:

– Тетя Гыммат, ее Рахман отправил. «Вечерним поездом проводил Реджепа с Биби. Дневным автобусом они приедут в райцентр, встречайте».

– Ах, вон оно что! – Гыммат заметалась, будто наступила на горящий уголек. – Я тогда быстренько отправлю кого-нибудь за старшим братом.

Выбежав на улицу, она не увидела никого, кроме соседского мальчишки лет десяти-двенадцати.

– Аю, Рустам, а ну иди сюда.

Мальчишка вначале хотел удрать, но потом остался стоять на месте, спрятав за спину свой ремень.

– Ну что ты стоишь, иди скорее сюда!

Он боязливо приблизился к женщине:

– Я ведь не разбивал вашего окна. Это Бетди вчера разбил его.

– Да черт с ним, и с окном, и с Бетди. Нашел о чем говорить сейчас.

– Тогда зачем я тебе нужен?

– Не бойся, я тебя не трону. Подойди поближе.

Рустам придвинулся еще на несколько шагов.

– Пойди возьми во дворе велосипед и езжай мигом на работу к Мереду-ага. Вручи ему вот эту телеграмму.

Радуюсь, что его не будут наказывать, к тому же позволили на велосипеде прокатиться, мальчишка мгновенно выехал со двора.

Гыммат сунула ему в руку телеграмму:

– Только нигде не задерживайся, она очень срочная! Вот, посмотри, на ней написано «срочная» крупными буквами.

* * *

С тех пор, как Реджеп сбежал с девушкой, Гыммат чувствовала себя окрыленной. При любом удобном случае она благодарила аллаха за то, что он избавил ее от больших расходов. И, хотя она сама отправила Мереди на переговоры с родителями девушки, не находила себе места до самого его возвращения, будто на иголках сидела. Она даже пообещала принести в жертву аллаху тамдыр лепешек, лишь бы калым за невесту оказался маленьким. И как же она радовалась, когда оба похода старейшин к сватам закончились неудачей! От Мереди она даже и не думала скрывать своего восторга: «Хватит, два раза сходили, больше не стоит унижаться. Не хотят, пусть не мирятся! И у нас ничего лишнего нет, чтобы терпеть их капризы. Надо поступить так же, как они сами, и больше никогда не переступать порог их дома. Пошли они подальше!»

С того дня у нее даже речь стала слаще, и в доме она стала больше работать. В прежние времена Реджеп мешал ей даже будучи одним, а сейчас она радовалась его возвращению в паре. Было ей отчего радоваться! «Расходов никаких, зато люди будут говорить, что я деверя женила. А ну, посмотрим, что начнут после этого вякать бабы?» Гыммат сейчас готовила угощение, а в голове разные мысли скакали. «Через пару лет отделю их отсюда, и уже никто не посмеет претендовать на этот дом. Дай бог, чтобы оказались правдой и слова Рахмана: «Говорят, что получу распределение в город, придется жить в райцентре, поближе к работе». Когда она поставила плов доходить на пару, с улицы донесся длинный сигнал машины.

– Кажется, Меред взял машину. Ну что этот шофер так рассигналился, вопит, как оглушенный! Может, они торопятся, хотят и меня с собой взять? – ворча, она выскочила из кухни, чтобы крикнуть, что не может поехать, и выглянула на улицу. Увидев, что из «Жигулей» работающего вместе с Мередом Ашира выходят Реджеп и Биби, расстерялась. Но жизненный опыт, накопленный за долгие годы, заставил ее быстренько взять себя в руки. Вытерев масляные руки о полы платья, она мгновенно выскочила на улицу, обняла Биби за оба плеча. Тепло

поприветствовала и деверя, избавившего ее от тяжких забот:

– Поздравляю тебя, Реджеп, совет вам да любовь. Она повернулась к мужу. – Ты так быстро их привез. Я-то думала, что ты заедешь вначале домой, ждала тебя. Хотела и сама поехать, чтобы встретить деверя.

Мерет снял папаху, вытер вспотевшую лысую голову.

– Ай, получив телеграмму, мы посмотрели на часы, время поджимало. Поэтому с Аширом и поехали напрямиком, не заезжая домой.

– Слава богу, что успели, не заставили молодоженов ждать!

– Успеть-то успели, а теперь надо на работу возвращаться, вот только...

– Что?

– Если у тебя есть готовый чай, неплохо было бы выпить его.

– С чаем никакой задержки не будет. Да и плов вотт-вот подойдет, уже на пару стоит. Я вас без обеда не отпущу. Гыммат с легкостью расстелила на топчане кошму, которая лежала тут же свернутой. – А ну, садитесь все, – и пошла на кухню.

Меред, всю дорогу переживавший, как бы жена не опорочила его перед молодой невесткой, сейчас диву дался, наблюдая за Гыммат. «Уж не снится ли мне все это?» Незаметно для других он ущипнул себя. Когда же убедился, что это не сон, усталость как рукой сняло с его лица. Усевшись вместе с Аширом поудобнее на топчане, весело спросил у младшего брата:

– Реджеп, сегодня нам не грех и сто граммов принять. Иди, братишка, в нашей комнате под белым шкафом стоит бутылка водки, принеси ее.

* * *

Уже в середине октября стало ясно, что нынче зима будет ранней. Холодный воздух, пришедший с севера, принес с собой и гряды черных туч. Но украсив собой синеву, они не проплыли мимо. С хмурого неба, напоминающего лицо бригадира Мухи, вначале срывались редкие крупные капли дождя, но спустя мгновение разразился такой ливень, словно опрокинулось небо, а потом посыпался град. Сборщицы хлопка, позабыв обо всем,

бросились врассыпную, чтобы укрыться от непогоды. Увидев несущихся девушек, прикрывших головы белыми платками, Мухи, только что сделавший пару глотков специально для него заваренного чая, вскочил с места. Забыв о чае, он смотрел то на разразившееся небо, то на бегущих женщин:

– Слушай, получилось как по пословице «кого бог наказал, того и пророк посохом ткнет».

Промокший до нитки Реджеп пришел на полевой стан позже всех.

– Что это за напасть такая, бригадир? Небо, что ли, прохудилось? – он расположился рядом с Мухи и начал пальцами расчесывать волосы.

Не глядя ни на кого, Мухи нехотя отозвался:

– Черт побери, я так надеялся, что хотя бы в этом году выполним план...

– Ай, с планом и не знаю, что будет. Другие уже давно рапортовали о выполнении! – в сердцах воскликнул Реджеп. А ты говоришь о плане, хотя мы еще и до пятидесяти не дотянули.

Эти слова помощника, обычно ни в чем не возражавшего, больно стеганули по самолюбию бригадира.

– Слушай, ты хоть можешь помолчать сейчас. И без тебя тошно, этот дождь последнюю надежду отнял!

– А мне кажется, чувствуя, что нам не справиться с планом, и небо перестало ждать нас.

Помощник не только не промолчал, напротив, он в эти слова столько яда вложил, что Мухи наконец обозлился. Он не смог сдержать нахлынувшего гнева, затрясся от злости. Из пиалы, которую бригадир держал в руках, выплеснулась половина чая. Он со злостью выплеснул остатки чая.

– Реджеп! – голос Мухи дрогнул. Видимо, тебя твоя работа утомила. В таком случае не мучай себя. Тебя никто не держит тут силой.

– Знаешь что, Мухи, не старайся свою вину переложить на меня. И потом, когда я устану от работы, сам напишу заявление, без твоей подсказки.

– Тогда постарайся держать свой язык за зубами. А иначе не жди от меня ничего хорошего. Я и прежнего помощника вынудил досрочно подать заявление. В самом-то деле, слушай.

Эти слова бригадира задели Реджепа за живое:

– Хоть мы и не учились в столицах, кеак некоторые, но в законах немного разбираемся. Не надейся, что перед тобой ляжет заявление, как только ты того пожелаешь. Я ведь тоже хлеб не затылком ем.

Когда Реджеп упомянул о законах, Мухи тотчас же представил Рахмана, недавно начавшего работать в районной прокуратуре. Это несколько остудило его пыл, он стал похож на бурдюк, из которого выпустили воздух.

– В таком случае нам лучше дружно работать, Реджеп. И вообще, давай прекрати этот спор. Некрасиво как-то, да и девчонки все слышат. Мухи посотрел на небо. Увидев, что тучи начали рассеиваться и появились голубые пятна неба, обернулся и позвал ушедшего в доик поощника: – Реджеп!

Реджеп по-своему расценил неожиданную перемену в ухи, его заискивание, и улыбнулся. Он встал, чтобы выйти на зов бригадира, но ухи уже са входил в домик.

– Реджеп, я пойду схожу в контору. А ты, когда кончится дождь и хлопчаттник немного подсохнет, прогони девушек в поле, пусть идут работать!

Чтобы не препираться с бригадиром, Реджеп нехотя согласился, но ему было жаль девушек. «Они и так вымокли до нитки, и снова должны работать по колено в воде. Эх...»

Как ни жаль ему было сборщиц, которые сушили на костре свою одежду, спустя час открыл дверь в их комнату.

– Дождь полчаса назад прекратился...

Не успел Реджеп договорит, как Аннагуль-антенна выставила вперед недосушенные на костре, испаряющие влагу носки и накинулась на него:

– Снова идти в поле?

Реджеп, понимая состояние женщин, ответил нехотя:

– Ай, бригадир велел.

– Тогда пусть придет жена Мухи и сама идет собирать хлопок на мокрых грядках, а не сидит дома. Мы сегодня больше шагу не сделаем в сторону поля.

Остальные поддержали Аннагуль-антенну. Промолчала лишь Биби, которая молча сидела в сторонке. Ее молчание не ускользнуло от

внимания Аннагуль:

– Аю, Биби, а ты что сидишь, будто в рот воды набрала? Ну и пусть, что он твой муж, скажи и ты, что не будешь сегодня собирать хлопок!

Биби была меж двух огней:

– Ай, мне разницы нет...

Аннагуль так и подпрыгнула при этих словах. На минуту она забыла и о том, что еще носит косы на груди (девушка, значит), и что на пороге стоит Реджеп:

– Вы посмотрите на нее, что она говорит! Это нам не должно быть разницы, а уж тебе-то еще какая разница есть! Скоро животом до носа достанешь, не сегодня – завтра рожать тебе, а ты все говоришь, что тебе нет разницы.

Слова Аннагуль заставили Реджепа залиться краской стыда. Он подумал: «И в самом деле, сколько они смогут набрать хлопка сегодня, работая на мокрых грядках. Мы все делаем, что говорит Мухи». И ответил:

– Ну ладно, завтра побольше поработаете, а сейчас можете быть свободны.

Аннагуль и это не оставила без внимания:

– Вот видите, когда касается собственной жены, сразу по-другому поет. Эх, эти «мужчины!»

Ее слова потонули в дружном смехе.

* * *

Бедные колхозники до самого декабря убрали хлопок, стряхивая с коробочек снег, но бригада все равно выполнила план едва на восемьдесят процентов. И поэтому, когда сказали, что завтра в правлении будет собрание, Мухи вздрогнул, словно ему в мягкое место вонзилась заноза. Будто ища защиты у парня, принесшего это сообщение, он жалобно спросил:

– Слушай, а ты не знаешь, какой вопрос будут рассматривать?

– Откуда мне знать? Сегодня я по делу случайно зашел в контору, а агроном велел мне по пути зайти в твою бригаду и обязательно передать тебе, чтобы ты был на правлении.

Эти слова болью отозвались в душе Мухи, встревожили ее. «Чует

ое сердце, они снимут еня, обязательно вышвырнут». Он не заметил, когда ушел вестовой, когда пришел и сел рядом с ним Реджеп.

– Бригат, что-то ты слишком озабоченным выглядишь. Уж не заболел ли?

Слова Реджепа заставили Мухи задуматься. «Интересно, он из сочувствия ко мне называет меня «бригат» или же ему уже известно, что меня снимают, и он радуется?» Бригадир был растерян. Мысли путались в его голове. Но оставлять вопрос помощника безответным было неприлично, поэтому он сказал:

– Я-то здоров, вот только как бы не вышло, что ты сегодня в последний раз называешь меня «бригатом», Реджеп.

– Это почему же?

– Завтра будет собрание в правлении.

Реджеп засмеялся и покачал головой:

– Ну и что! Как будто в первый раз такие собрания!

– Мне почему-то кажется, что на этот раз особое будет. У меня сегодня левый глаз дергается, думаю, это к неприятности. Видно, мне дадут под зад коленом. Он вдруг пристально посмотрел на помощника. – Слушай, а ты как думаешь?

Реджеп подумал ненадолго и ответил:

– Вряд ли тебя станут снимать с работы, скорее всего, ограничатся выговором...

... Предчувствие Мухи не обмануло. Один из вопросов повестки дня был вопрос о его работе. Все выступавшие, будто сговорились, твердили одно и то же:

– Хватит, три года ждали. Больше надеяться не на что.

Вот так вопрос о Мухи был решен за считанные минуты. На его место решено было поставить Реджепа, «человека, который будет работать».

Колхозники, прослышав об этом, не стали возражать. Аннагуль-антенна, бросив работу, помчалась к Реджепу: «Я должна первой поздравить нового бригадира».

– Аю, Реджеп, поздравляю тебя с новой должностью! – на лице девушки была широкая улыбка. – Не дожидаясь, когда онотреагирует на сообщение, застрочила, как из пулемета. – Прекрасное решение! Что бы ни говорил, а партия и

правительство всегда ценят людей, которые умеют работать. И должность достойную ему предоставляют вроде твоей. Этого неуживчивого надо было еще в прошлом году снять, мы бы уже дважды выполнили план...

Реджеп перебил девушку:

– Но я ведь в прошлом году был в армии!

– Господи, мало ли других служит в армии! А вот таких деловых, как ты, считанные. Государство неправильно делает, что забирает в армию работающих ребят, их надо освобождать от службы.

– Ну ладно, я-то уже был на службе. Если бы пришлось в прошлом году выбирать бригадира, кого бы вы выбрали?

Аннагуль замешкалась, растерявшись, но это замешательство длилось всего один миг. В следующий момент она овладела собой и выпалила:

– Как кого? Конечно же тебя! Думаешь, мы не знаем, как ты можешь работать? Даже когда ты сбежал с Биби, мы все сказали: «Правильно сделал. Знает, что делает, наш бригадир, вий, помбрига...»

– Постой, Аннагуль! Ты не объяснила мне, как бы вы поставили меня бригадиром, если я был в армии?

– А что тут собственно, непонятного? Мы бы обратились к партии и правительству. «Освободите от службы Реджепа Аманова, мы собираемся выбрать его своим бригадиром» и все.

Реджеп не сдержался, рассмеялся.

– Спасибо, Аннагуль! – сказал он сквозь смех.

В тот же вечер все дома облетела весть: «Реджеп стал бригадиром.

* * *

О том, что Реджеп стал бригадиром, Биби узнала в роддоме, где она находилась со своим первенцем. Об этом ей только что сообщила Аннагуль, которая целую неделю не показывалась в больнице, а сейчас примчалась, буквально перед приходом ее мужа. И поэтому, как только Реджеп вошел в больничный двор, она с легкостью подскочила к окну палаты, завешанному марлей, чтобы не лезли насекомые, и открыла форточку. В комнату

ворвался холодный декабрьский воздух.

– Не знаю, правда это или нет, Антенне не очень-то верить ожно, но если это правда, поздравляю тебя с должностью бригадира!

Реджеп удивленно покачал головой:

– Неужели она уже и сюда успела прибежать?

– Говори, что от радости первой ко не прибежала!

– Ай, Аннагуль соврет, дорого не возьмет.

– Неужели же она обанула меня, эта плутовка?

– Да не, правду сказала, просто я поражаюсь, как это она везде успевает. Пока бежала сюда, видать, ни один до не пропустила, потому что все встречные пожимают мне руку, поздравляю: «Только что от Аннагуль узнали!»

– Ладно, хорошо, что не обманула чертовка. Кстати, а как Мухи?

– А что он может сделать, когда это уже случилось.

– И все же тебе надо было навестить его, нехорошо как-о.

– Так я и иду от него. Спрашиваю, как мне быть, работать? А он говорит: «Работай, не тебя, так другого бы поставили бы, а ты все же мой кадр».

Биби наконец решилась спросить о том, что беспокоило ее:

– Реджеп, это хорошо, что ты стал бригадиром, а как быть с учебой?

– Да с этим все просто, можно ведь и заочно поступить.

– Наверно, теперь тебе придется сменить учебное заведение на такое, которое Мухи окончил?

– Да нет, Биби, зачем мне менять, если потом все равно надо будет в земле копатться. Я пойду туда, куда задумал, – на русскую филологию.

После обмена новостями Биби сообщила мужу, что их мальчик крепенький и очень похож на отца. Реджеп с улыбкой выслушал слова, которые Биби, словно выучив наизусть, повторяла изо дня в день с самого первого дня, потом спросил:

– Ты говрила, что через неделю выпишут. Что говорят врачи, когда можно забрать тебя домой?

Биби, которая все это время хотела о чем-то сказать, но не могла вспомнить, обрадовалась:

– Вай, безголовая, я ведь именно этто тебе и хотела сказать!

Завтра, завтра нас обещают выписать...

* * *

– Я же говорила, что сын – это знамение счастья, благополучия, когда родился этот маленький! Гыммат, помогая свояченице, только что вернувшейся из роддома, поменять пеленки младенцу, повернулась к Реджепу, который тут же, опершись на подушки, пил чай. – Птица счастья села тебе на голову, как видишь. Даст бог, подойдет ваша очередь на участок, тогда и вовсе заживете счастливо.

Реджепу не понравилось, что она упомянула об участке. Ему вспомнилось, что в последнее время гелнедже стала слишком ворчливой, ей они явно мешали. Как бы там ни было, ему не хотелось в этот радостный день портить настроение, и поэтому он подыграл Гыммат:

– Говорят, что скоро начнут распределять участки, гелнедже.

Забыв о пеленках, которые она держала в руках, Гыммат радостно посмотрела на деверя:

– Дай-то бог. А где будут давать?

– Недалеко от канала.

– Ой, только постарайся слишком близко к немму не брать. Не успеешь оглянуться, малыш топать начнет, и тогда надо будет постоянно, как чабан, за ним бегать. Тоба, тоба, упаси господи от воды и огня!

– От судьбы не уйдешь, гелнедже, если это будет написано на роду. Реджеп крутанул опустевшую пиалу на край сачака. – Ну, я пошел.

Биби, удивленная тем, что муж засобирился уходить, даже не пообедав, переводила удивленный взгляд то на свояченицу, то на Реджепа.

– Что это ты вдруг заторопился?

Обуваясь у порога, Реджеп постарался не подать жене виду:

– Работы много, меня там ждут.

– Реджеп верно говорит. Без главы колхозники что стадо баранов. Небось, сидят и ждут, не зная, что им делать надо. Глядя вслед уходящему деверю, Гыммат произнесла

многозначительно: – Хорошо было бы, если мой деверь поскорее указав работу людям, каждому распределил должные участки земли.

Как ни расстроена была Биби, что муж ушел голодным, не посмела возразить старшей свояченице. Только тяжело вздохнула и опустила голову.

* * *

Почти три года минуло с тех пор, как Реджеп начал работать бригадиром. Как сказала гелнедже Гыммат, на его голову и в самом деле опустилась птица счастья, потому что все, что он ни делал, получалось. За прошедшие годы он получил участок, выстроил себе дом. Поступил заочно учиться, у него родился еще один сыночек. За это время он доказал, что его назначение бригадиром не было ошибочным. Реджеп не был предметом постоянных разбирательств, как это было с неуживчивым Мухи, бригада подряд два года с честью справлялась с планом.

Ноябрь подходил к концу, Реджеп был уверен, что и в этом году план будет выполнен. Да и было не о чем беспокоиться, ведь осталось всего-навсего два процента набрать! И поэтому он, подставив прохладному вететрку лицо из кабины грузовой машины, закрепленной за бригадой, дружелюбно поздоровался с девушками, высыпавшими хлопок в канары.

Не снижая скорости, машина доехала до специально выровненной площадки для хармана и остановилась. Реджеп вышел из машины, потянулся, достал из пачки дорогую сигарету и сунул ее в зубы. Эти жесты не ускользнули от внимания наблюдательного Сейит-ага. Разбрасывая вилами по площадке увлажненный вчерашним дождем хлопок, он обратился к работавшему рядом с ним парнишке:

– Хыдыркули, тебе не кажется странным поведение нашего бригадира в последнее время?

Хыдыркули, не поняв, о чем говорит Сейит-ага, пожал плечами.

– Я тоже не очень люблю вести разговоры за спиной человека, и все же иногда вырывается наболевшее.

Хыдыркули понял, что Сейит-ага хочет что-то сказать, улыбнулся:

– Похоже, вам не понравилась в бригадире какая-то его привычка?

– Дело не в том, нравится мне или не нравится, сынок. И вообще, Реджеп пока еще ни разу не обидел меня. И все равно мне не нравится его поведение в последнее время.

– Из-за того, что он куритт, Сейит-ага?

– Да нет, не только из-за курева. Кажется мне, что в нем появилась какая-то кичливость, надменность.

– Но он ведь бригадир...

– Ах, сынок, ты ведь не знаешь его с малых лет. Это был самый тихий из пацанов. Мне казалось, что должность может кого угодно изменить, но только не его. Ай, конечно, внешность человека обманчива, каким бы ты наблюдательным ни был, характер не всегда можно определить. В голову бы никогда не пришло, что этот парень может научиться пить и курить.

– Но ведь и среди курящих и пьющих немало хороших людей.

– Не спорю, сынок. Но если человек начинает курить дорогие сигареты, чтобы выделиться среди других, если он начинает приглашать в дом должностных лиц и выпивать с ними, это значит, что его телега дала крен.

– Да нет, Сейит-ага, не стоит так говорить. Он ведь и со мной недавно пил.

– А-а, это в тот раз, когда ты прогулял десять дней, а потом поил его у себя дома, чтобы тебе дни проставили? Сейит-ага многозначительно улыбнулся. – Конечно, сынок, тогда он должен был выпить. Неплохо выпить водочки, закусывая жирненькими пельменями.

Хыдыркули уже пожалел о сказанном. Он покраснел, как рак.

– Ай, Сейит-ага, давайте прекратим эти сплетни.

Сейит-ага весело рассмеялся над его словами.

– Если ты немного самовоспитанием займешься, из тебя получится неплохой человек, Хыдыркули. Во всяком случае, из-за бутылки водки ты не потерял совести.

Сейит-ага, возможно, еще что-нибудь сказал бы, заставляя Хыдыркули и дальше краснеть, но подошел Реджеп и перебил его.

– Сейит-ага, если сегодня и завтра хорошенько постараетесь, потом появится возможность свободно повеселиться.

Сейит-ага сразу же понял, на что намекает бригадир:

– Ай, сынок, смеемся мы или разговариваем, работа наша не стоит. У нас, как у машины Анны-передока, работают и руки, и язык.

Реджеп старался не показывать виду, что побаивается из мужчин языка Сейита-ага, а из женщин – Аннагуль. Аннагуль, стоит ей о чем-то узнать, тотчас же оповещает всех подряд, а Сейит-ага все напрямик выкладывает, невзирая на лица, бригадир перед ним или кто другой. И язычок у него остренький, режет, ак бритва. И, поэтому Реджеп старался по возможности не перечить им, не связываться с ними. Вот и на этот раз он сделал вид, что не принял значения словам Сейита-ага, помолчал немного, потом сказал:

– Был сегодня в гараже и договорился. Как только выполним план, всем выдам хвороста, кому сколько причитается.

– Это хорошо, сынок, только хотя бы в это году выдели нам хорошее место. С прошлогоднего участка мы с трудом машину набрали. И все кустики такие тоненькие, что как спички, вмиг сгорают.

Реджеп засмеялся над его словами, восприняв их как шутку.

– В этом году хорошее место попадет, Сейит-ага. Вот увидишь, толщина каждого куста будет с руку Аджап-енге, ха-ха-ха...

Посмотрев на часы, он направился к машине, давая понять, что больше не имеет возможности задерживаться.

* * *

Биби не нравилось, что в последнее время Реджеп частенько возвращался домой выпившим. Как она молила его, когда он в прошлый раз пришел пьяным: «Прошу тебя, Реджеп, не пей, выпивка не доведет тебя до хорошего!» Он тогда слово дал, что больше никогда в рот ее не возьмет. И вот, спустя три дня его вновь привезли домой на машине.

Уложив детей, Биби занялась мелким ремонтом одежды: что-то шила, что-то латала. Несмотря на то, что была уже глубокая ночь, она не находила себе места, не ложилась спать. Любой звук заставлял ее вскакивать с места и подбегать к окну. «К кому он сегодня пошел, господи? Уж лучше бы он никогда не был

бригадиром». Занятая своими беспокойными мыслями, она несколько раз укололась нечаянно иголкой. «О боже, на что мне шить, когда в голове совсем другие мысли!»

Убрав рукоделье, Биби вышла во двор; ночь была тихой, если не считать раздающегося то тут, то там лая собак. Ей захотелось поидеть во дворе, глядя на звездное небо, она стала вспоминать свою прошедшую жизнь. Но так как вышла легко одетой, да к тому же ветер был холодным, северным, Биби мгновенно продрогла и начала дрожать. Боясь простыть, она пошла в дом. Укрыв раскрытого сына одеялом, женщина снова взяла в руки шитье. И в этот момент на веранде послышались шаги. Биби быстро встала и открыла дверь.

– Реджеп! – она замерла, увидев мужа в пиджаке, вывалянном в грязи.

Упираясь руками в стену, Реджеп ответил добродушно:

– Угадала точно, Биби, это я.

Биби усадила мужа на топчане и стала стягивать с него испачканный пиджак.

– Да разве же можно так пить, Реджеп? Посмотри на себя, ты же весь в грязи.

Реджеп весело рассмеялся над словами жены, будто его кто-то щекотил.

– Поэтому я пришел домой, когда все уснули, чтобы никто не видел.

– Пора бы уже научиться знать меру, Реджеп. Наверно, бригадиру не совсем прилично так себя вести.

– Отчего же? Напротив, бригадиру и пристало так вести. Он ткнул пальцем в жену. – И потом, запомни: кто станет угощать меня жирным пловом и водкой, не будь я бригадиром?!

– Жирный плов я буду готовить для тебя каждый день, Реджеп, лишь бы ты не пил. Вспомни, ты же обещал больше в рот не брать эту отраву.

– Помню, обещал. И опять обещаю.

– Но мне теперь трудно верить твоим словам, Реджеп!

– Верь мне, верь, Биби. Мужчины хозяева своим словам.

Не замечая, что Реджеп разыгрывает ее, Биби радостно воскликнула:

– Правда?

Реджеп перебил ее на полуслове:

– Да, и поэтому мужчины в любое время могут взять свои слова обратно, – и весело расхохотался.

Биби, чистившая пиджак мужа, растерялась. Она не знала, то ли ей сердиться, то ли отнестись к словам мужа как к шутке.

– Вон как? А я-то, дура, уши развесила, поверила тебе, думала, ты серьезно.

Повеселившись немного над своей шуткой, Реджеп с трудом поднялся и, шатаясь, направился к двери. Биби, опасаясь, что пьяный муж может упасть на спящих детей и разбудить их, поспешно повесила вычищенный пиджак на гвоздик на стене, и подхватила Реджепа под руки. Войдя в комнату, муж, не раздеваясь, упал на постель.

Биби, снимая с мужа рабочую одежду и носки, спросила:

– А сегодня-то ты с кем пил?

Реджеп, лежа на спине, ответил равнодушно:

– Да с Чары с соседнего участка.

– Он что, какую-то вечеринку устраивал?

– Да нет, какая там вечеринка. Он просит у меня машину хвороста.

– Вий, он ведь не работает в твоей бригаде!

– Ну и что, что не работает, все равно теперь придется дать. – Реджеп вспомнил о чем-то, приподнялся на локоть. – Эх, черт, под влиянием последней бутылки я пообещал ему: бери, говорю, не одну, а две машины хвороста!

Биби ответила недовольно:

– Если ты и дальше будешь так поступать, последнего уважения лишишься. Не дай бог, какая-нибудь сплетница вроде Аннагуль-антенны прослышит, что ты по пьянке колхозное добро разбазариваешь, не поздоровится тебе!

Реджеп поворочался в постели, потом вдруг сел:

– Не вспоминай ты ее! – схватившись за волосы, он опустил голову и тяжело вздохнул: «Уфф!» Повернулся к Биби: – Ты мне все настроение испортила, свела к нулю. Надо теперь пиалу чая выпить, без этого не обойтись.

Через некоторое время Биби принесла небольшой цветастый чайник

чая. Делая чаю кайтарму, она исподтишка наблюдала за мужем. Реджепа, все еще сидевшего с опущенной головой, била мелкая дрожь. Биби решила, что в комнате прохладно, и он замерз.

– Хлопковой щепой сколько ни топи печь, все равно тепла не хватает. Ты замерз, кажется.

Задремавший Реджеп очнулся:

– А, ты что-о сказала?

Биби пожалела о том, что разбудила мужа, которого разобрал сон. Но не посмела оставить его вопрос без ответа.

– Ты не замерз, спрашиваю я?

– Да нет. – Реджеп потер глаза и потянулся за пиалой с чаем. – Честно говоря, я и сам не знаю, что со мной происходит сейчас.

– Ты дрожал, поэтому я так и решила...

– Может, перепил.

Как ни старалась Биби не заводить с пьяным мужем серьезных разговоров, сейчас не выдержала, сказала то, что уже давно мучало ее:

– Ты бы привел себя в чувство и купил машину угля, Реджеп. Все соседи углем отапливаются, горя не знают.

– Но я же сказал тебе, что не мерзну.

Когда запруда прорвана, попробуй удержать поток. И Биби вошла в раж:

– Конечно, тебе не холодно, ты ведь изнутри подогреваешь себя этой отравой. А как быть твоим детям? Скоро снег выпадет, что тогда будем делать?

– Уфф, опять начала.

– Господи, да я бы рада не начинать, если бы можно было обойтись. Только ты вначале говорил: дай выполнить план, и я привезу машину угля. Потом сказал, что займешься этим после раздачи колхозникам хвороста. Все уже прошло, а машины угля я все никак не дождусь. Хотя бы машину растопки для тамдыра привез, ты же все-таки бригадир!

Реджеп подложил под локоть подушку, сделал глоок чая. Потом посмотрел на жену, будто говоря: ну, выговорилась? Ответил равнодушно:

– Будет, Биби. И хворос будет, и уголь.

Уже декабрь на дворе, Реджеп. Потом, когда дети простынут, на

что мне твое тепло! Тогда до весны можно будет провести время в государственной больнице, если тебе не лень будет навещать нас там.

– Ну зачем же сразу худшее предполагать, Биби.

– Как же не думать, когда в доме нет ни одного полена кроме охапки хвороста.

Вдруг о чем-то вспомнив, Реджеп торопливо поставил пиалу, сел:

– Завтра же получишь от меня твердое дерево, которого хватит топить на всю зиму.

Биби недоверчиво посмотрела на мужа:

– Да где ж ты его возьмешь?

Реджеп ответил самодовольно:

«Кушай плоды и не спрашивай о дереве». Твое дело топить тем, что принесут.

«Наверно, из песков хочет машину саксаула привезти», – подумала Биби, успокоилась немного и больше не стала тревожить мужа.

* * *

Выйдя из дома утром, Реджеп не стал дожидаться машины, пешком отправился на северо-восточную окраину села. Перепрыгнул через заросший камышом коллектор с журчащей водой, взобрался на высокий берег канала. То ли от того, что давно не ходил пешком, или от какой-нибудь другой причины, но, несмотря на прохладную погоду, на лбу выступили капельки пота. Остановился, отер с лица пот.

– О-о, если я пешком пойду до делянки, где валят хлопковый куст, из меня вся вчерашняя выпивка выйдет. В этот момент он увидел трактор, который, выталкивая из трубы густые клубы серого дыма, валил кусты на поле, с которого убран хлопчатник. – Похоже, Аллаберды-ага сегодня спозаранку вышел на работу.

Вдоль берега Реджеп направился к мосту с правой стороны. Дойдя до него, прислонился к железным перилам и закурил. «Сейчас самое время удить рыбу» – подумал он, глядя на воду канала, которую уже не пускали на поля, поскольку весь урожай был собран. Словно прочитав его мысли, из реки вынырнула и высоко подпрыгнула крупная рыба, шлепнулась о низкую воду, нарушив

утреннюю тишину, и вновь нырнула вглубь.

– Надо будет сказать Хыдыркули, чтобы он завтра принес из дома сети. Иначе потом поздно будет, когда здесь все пропустят через сито. Реджеп жадно затянулся сигаретой, выпуская из уголка губ пропущенный через легкие дым. – Думаю, что и учителю понравится, если я отправлю пять-десять кило свежей рыбы.

Размышляя так, он заметил машину, которая остановилась возле его дома. «Ай, Биби скажет, что я ушел пешком».

И в самом деле, машина не стала долго задерживаться. Шофер моментально вышел из дома и занял место в кабине. Реджеп приподнял шляпу и помахал ею, чтобы шофер увидел его, и тотчас же раздался сигнал машины; значит, водитель заметил его. Реджеп решил, что больше не стоит идти пешком, и стал ждать машину, направившуюся в его сторону.

Заехав на мост, водитель остановил машину и выглянул из кабины.

– Что-ты задумал с утра пораньше, бригаат?

Реджеп бросил в воду прутик, который вертел в руках, обошел машину спереди и сел в кабину.

– Да никаких задумок у меня не было. Просто решил подышать немного свежим воздухом.

Водитель хитро посмотрел на Реджепа, устроившегося в кабине поудобнее, подколот:

– Глаза у тебя распухли, как кулаки, небось, гелнедже ночью выспаться не дала, бригаат?

Реджеп улыбнулся:

– Да нет, кажется, вчера я немного перебрал.

– Ну да, в конце сезона можно позволить себе расслабиться, потому что во время уборочной лишней раз почесаться некогда. Я тоже в эти дни возмещаю то, что было упущено в страду. Видно, настроение у водителя было хорошее, прибавив газу, он засмеялся. – Я не отпускаю ее в эти, даже если она просится к матери ночевать. Вот, говорю, не успеешь оглянуться, опять начнутся работы, то пахать, то сеять надо будет, тогда и поедешь, говорю.

Реджепа развеселил рассказ шофера, который закончил среднюю

школу на год позже его.

– Ну и балагур же ты, Баллы! Он вытер слезы, выступившие от смеха на глазах. – Я тебе говорю, что вчера перепил водки, а ты совсем о другом... – и вновь громко расхохотался.

Баллы поддержал его смех:

– Да ну тебя, бригадир! Как же можно нынешнюю свободу использовать для выпивки, когда можно таким приятным делом заниматься!

Незаметно они доехали до делянки, где работал трактор.

– Хорошо, Баллы, теперь я буду делать то же самое, о чем ты говоришь, – сказал Реджеп. Похоже, он вдруг вспомнил о своем бригадирстве, перестал смеяться, сделался серьезным. – А ну, остановись на минутку возле трактора.

Машина поравнялась и остановилась рядом с трактором, выехавшим на середину делянки. Реджеп не стал выходить из кабины, ждал, когда тракторист сам подойдет. Аллаберды-ага не заставил себя долго ждать, подъехал к машине на тарахтящем тракторе. Поздоровался с Реджепом. Реджеп открыл кабину и за руку поздоровался с Аллаберды-ага. Спросил, когда тот закончит валить хлопковый куст.

Аллаберды-ага снял старую папаху, погладил свежесбрившую голову.

– Ай, сынок, у меня на тракторе сломалось устройство, собирающее нарезанные кусты. Поскольку «Алтай» Меле идет у меня по пятам, я решил не терять времени даром, хотя бы полдня позаниматься этой работой.

– Ничего, не сбавляй скорости, Аллаберды-ага, – Реджеп посмотрел на разбросанный повсюду хлопковый куст. Потом, довольно улыбнувшись, закрыл дверцу кабины, высунул голову в окно. – Люди, которым нужен хворост, сами придут на помощь. Думаю, и тоже скучно без дела сидеть.

Попрощавшись с Аллаберды-ага, Реджеп повернулся к водителю:

– Отвези меня к древнеу туовнику, Баллы.

Баллы повернул машину к туттовнику. Выйдя из машины, Реджеп распорядился:

– А теперь возьми парней и до обеда сделай пару рейсов, повози навоз с фермы. Захлопнув дверцу, он хотел было отойти

от машины, но вспомнив о чем-то, помахал рукой отъезжающему водителю. – Эй, Баллы, по пути сообщи Меле, что я жду его возле древнего тутовника.

Баллы кивнул головой: «понял» и нажал на газ.

Постояв немного и глядя вслед уносящейся машине, Реджеп повернулся к тутовнику, внимательно посмотрел на дерево, качающее на ветру ветками с редкими, не успевшими опасть желтыми листьями. Поведение туттовника напомнило Реджепу человека, оставшегося голым на морозе.

– Сегодня, даст бог, я избавлю тебя от всех твоих страданий, – сказал Реджеп. Он вспомнил, как встречался здесь с Биби, бегал на свидания. – Кстати, а как отнесется к этому Биби, если я приволоку это дерево домой?! Тутовник молча слушал бригадира, никак не реагируя на его слова, поэтому Реджеп сам себе ответил: – А пусть как хочет относится, ведь дома дети мерзнут! Не могу же я этого допустить! Он досал из кармана сигарету, закурил, стал сам себя успокаивать. – Ай, не я, так другой спилил бы его... Только, может, мне не стоило бы сейчас так спешить, надо бы дождаться вечера, когда стемнеет, чтобы быть подальше от глаз людских. Powestler